

Письмо от Луны к Солнцу

Ирине Гороховой (Ханс)
(Весна 1975 — Осень 2002)

"Лежа в своей темной холодной могиле, я буду размышлять: "Что значило все то, что было когда-то?"... Несмотря на такие размышления, я абсолютно не уверена, что смогу встретить смерть с признанием и одобрением, с достоинством, с чувством, что все, наконец, окончено, но говорить об этом всерьез еще слишком рано...

Я чувствую потребность посвятить себя чему-то, передать свои знания перед тем, как покину этот мир... В противном же случае, если мой разум, подобно реке, которая находит свою смерть, растворяясь в море, умрет, то весь путь, который я прошла, будет напрасен. И не будет ощущения, что цель достигнута, и не будет чувства удовлетворения...

Мое "американское приключение" превратилось в смысл моей жизни... Я люблю свою жизнь и все, что связано с ней..."

Ирина Ханс. "Смысл моей жизни"
31 октября 1997 года

Все сплетено из атомов. Мы — суетливые атомы биосферы, подчиняясь бессознательным притяжениям, образуем молекулы друг с другом. Земля, для нас такая гигантская, для космоса — атом. Влекомая непознаваемыми взаимодействиями, Земля притягивается к другим планетам, чтобы образовать молекулу и стать частью неуловимой для нас сути. И тот самый, пройденный в школах, атом, является, может быть, крохотной, относительно человека, вселенной. По обе стороны — бесконечность, а мы в центре, только относительно самих себя. Человек — вселенная, в человеке — вселенные, человек — во вселенной.

Кто-нибудь плачет, когда умирает кишечная палочка или стафилококк, или живая клетка? Их собратья страдают? Они равнодушнее нас или мудрее? Мы не оплакиваем каждую съеденную кильку в томате. А ведь и у нее была самоценная, не похожая на другие — жизнь!

Мокнут и мерзнут молекулы мира. Дрожат, растворяются в живой акварели осени. Земля раскисла, разбухла, расслабилась. Дороги размякли. И ветер все гонит оранжевые частицы недавно шумевшей жизни, и ноет, ноет, ноет...

Буддисты говорят: "Колесо". И славяне говорили: "Круг". И профессор по истории языка диктовал: "Если в одном месте что-нибудь исчезает, то в другом обязательно появляется" — Ломоносов, закон сообщающихся сосудов.

А осень — пройдет! Застынет под снегом, напитает матушку почву гумусом, и — как пить дать — будет весна!

Мама и Ло говорят: "Что-то есть!" Есть /что-то/, где-то зачем-то, обязательно есть!

На твою могилу мы пришли первыми — я и Ло. Насыпали семечек — Ло их сама жарила. Утопили в цветах сигарету — и стали курить, Ло сказала, будто с тобой, и ветер вырвал у нее окурочек. Она завопила, затопала ножками (крэйзи, ты же ее знаешь), и пробасила на все кладбище: "Это же Ира курит!". /Твоя/ сигарета тлела в нескольких сантиметрах от резного креста, заваленного венками. Я сказала: "Конечно, сигарету дали, а поджечь не додумались, вот она и твою присвоила..."

Друг сказал: "Единственное, что ты можешь для нее сделать — память". Память — ворох случайных эскизов к прожитым мгновениям. Их можно разглядывать по одному, проявлять, заштриховывать, растягивать до романа и сжимать в одно слово. Сотни рисунков казались пустым барахлом, но вдруг разразился в вечернем, не существующем в памяти, Вашингтоне чудовищный выстрел, с двух метров в упор, и они стали сокровищем. В них немножечко живешь ты.

Мне было одиннадцать, а тебе — тринадцать. Я жила на восьмом этаже, ты — на третьем. В тебя был влюблен весь двор. Ты смеялась над моим старым халатом и искрилась чем-то таким, что меня с детства пугает в людях. Я все пряталась от людей, но ты нашла — прижатую страхом к лифту — и приручила.

— Познакомься — сказала мама — это Ирочка. Ты должна с кем-нибудь подружиться, нельзя постоянно одной ходить.

— Не хочу — сказала я и, наверное, покраснела.

Помнишь, как ты не понимала слов "Смерть стоит того, чтобы жить, а жизнь стоит того, чтобы ждать".

"Жизнь стоит того, чтобы жить!" — говорила ты. И всегда была такой — обжигаяще солнечной и живущей на всю катушку. Мы даже решили между собой, что ты Солнце, а я — Луна. Мы тогда романтизировали смерть сквозь призму личности Цоя. А она вот, оказывается, какая... Глухая, беспросветная пустота. Хочется из последних сил не верить! А она все ноет, ноет, ноет... Хочется до последней капли протестовать! Но протестовать нельзя — на все воля божья.

Одни говорят "карма". Другие — "рука не дрогнула". А как ты-то там? Приснишь, расскажи. Мы все здесь волнуемся, едим поминальные апельсины и молимся вслед за священником нараспев: "Бееееечная пааааааа-амаять".

Можешь ли ты созерцать рассвет; когда небо сгущается, твердеет, болит от натуги, беззвучно вскрикивает горячим спектром и фантастически неизменно рождает солнце? Чувствуешь ли близость дождя, когда воздух, исколотый молниями, кажется тугим, светило слепнет и жметесь в углу серебристой тучи, камни дрожат, и тусклые травы готовятся к омовению? Видишь ли ты, как темнеют воды и прощаются до весны, засыпая под толстыми слитками льда?

Ты на два года была старше и на два года умнее. Я стремилась догнать тебя и спотыкалась. А ты настойчиво брала за руку и терпеливо за собой таскала. "Мастера и Маргариту" я прочла на два года раньше. И "Розу мира", книгу, тисненную золотом, которую мы покупали вскладчину за восемь рублей? Гривен? Купонов? Какие тогда были деньги? И в театр-студию заволокла меня ты. Мы играли Сартра "За закрытыми дверями" и осваивали гитару. Ты любила петь, покоряя нейлоновые струны ветхому и вечному Франческо де Миланэ:

"Под небом голубым есть город золотой
С прозрачными воротами и яркою звездой.
А в городе том сад. В нем травы да цветы.
Гуляют там животные невиданной красоты..."

Потом мы влюбились в Джима Моррисона. В фильме Коппопы он пьет кровь. Ты тоже взялась попробовать. Надрезала мою руку пониже локтя лезвием "Нева" и слизнула все, что краснело. Я отказалась — не могу никого резать. Розовый шрам на правой руке останется со мной до кон-

ца жизни. А на правом плече — другая отметка в честь тебя. Ты не знаешь. "Соня так сильно любила Наташу, — говорила ты, когда читала "Войну и мир", — что выжгла на себе клеймо в память об их великой дружбе". Я раскалила железный рашпиль и оставила на себе две точки — в подтверждение нашей великой дружбы. Кожа запахла паленой курицей.

Как много я не успела тебе сказать! Не успела обнять, не попросила прощений, не вручила подарков, не отправила писем, не призналась в любви... Но есть в мире одна книга, в которую можно верить. Я верю, что "рукописи не горят". Ты как-нибудь услышишь меня.

Тебя /не было/ уже два дня. Я проснулась и почувствовала, что ты рядом. Глазами этого не увидишь, кожей не ощутишь, разумом не придумаешь. Никто не поймет — только ты и я.

Когда очень близко знаешь человека (помнишь, как часто мы спали вместе?), чувствуешь в нем что-то такое, неуловимое, невозможное, неосмысливаемое. Я не могла видеть и чувствовать твою руку, но ощущала, что ты меня гладишь. Ласково так, будто утешаешь. Ты просталась, а я, беспробудная малодушная трусиха, не смогла пересилить страх и мысленно закричала: "Не пугай, пожалуйста, не пугай!". Ты исчезла. А я до утра боялась при зажженных свечах. Кто как не ты научил меня любить свечи?

Как мало на свете объяснимых явлений. Или исчерпывающе объясненных. Помнишь, я как-то звонила тебе в детстве? Трубку поднял твой младший брат Юра. Это сейчас ему четырнадцать, а тогда — едва говорить уметь.

— Алло, — говорю, — привет, Юрка, что делаешь?

— Уроки.

— Какие еще уроки? — ему тогда года три исполнилось. Наверное, калякает себе что-то или букву какую учит, хотя голос действительно повзрослевший. — А Ира где? — спрашиваю.

— Уехала.

— Когда же она успела? Я десять минут назад у вас чаек дула, она никуда не собиралась.

— В прошлом году уехала, ты разве не знаешь?

— Ну ладно, — отвечаю и кладу трубку.

Что-то не сходится — думаю, и вдруг ты звонишь. Через какую-нибудь секунду.

— Ленка, зачем ты трубку бросила? И что у тебя с голосом?

— У меня?

— Только что я тебе звонила. Спрашиваю — Ленка, ты? Да — отвечаешь, и голос такой повзрослевший, женственный.

— Мы друг другу одновременно звонили?

— И куда попали?

— Неужели в будущее?

Мы так и решили, что мистическое совпадение протащило нас на несколько лет вперед. Ведь ты на самом деле уехала учиться в Америку. А я до сих пор живу в нашем доме, на восьмом этаже.

После пожара, случившегося в моей квартире, я долго жила у вас. Родители твои — на работе, ты — где-то, а я пытаюсь накормить Юру. Он не чувствует во мне строгости и отказывается есть кашу.

— Хочу пельменей!

— Где я возьму пельмени?

— В морозильнике.

— Но я не могу, без разрешения!

— Я разрешаю!

— Ладно, пусть это будет на твоей совести, — открываю холодильник, нахожу там пачку пельменей — и вдруг звонок.

— Извините, а можно Витю? — спрашивает мужской голос.

— Витя здесь не живет, — отвечаю, — будьте здоровы! Так и быть, Юра, сварю я тебе пельменей.

— Не хочу пельмени, хочу курицу! Она в биокамере.

— Да определись же в конце концов! — звонок.

— Алло, позовите Витю.

— Вы не туда попали, неужели не ясно?

— Это номер 48-47-60?

— Да, но не Витин. Здесь другие люди живут.

— Можно узнать, какие?

— А вам что за разница? — бац — кладу трубку.

— Юра, умоляю, доешь кашу!

— Не хочу, давай лучше пельмени сварим.

Звонок. Женский голос. Как потом выяснилось — твой.

— Вас не затруднит попросить к телефону Витю?

— Здесь обитает семья Гороховых! — заорала я. — Витей даже не пахнет! Прекратите издеваться!

Прошел час. Юра так ничего и не съел. Снова звонок.

— Алло, здравствуйте, это Витя. Мне никто не звонил?

Тут бы любой идиот прозрел. Младенец смог бы заподозрить неладное. Но только не я. Преисполненная величайшей благодарностью к мифическому Вите я подробно изложила содержание предыдущих диалогов и потребовала объяснений.

— Понимаете, — объяснил "Витя", — на АТС перепутали номера — ваш оказался моим, а мой — вашим. Записывайте.

— Минуточку! — и я понеслась за ручкой. Когда я снова прильнула к трубке, в ней отчетливо прозвенел твой хохот.

Снится, будто сижу я у Ло дома. У нее пацаны в гостях — один в красном шелковом костюме, другой — в красном бархатном пиджаке.

— Настоящий пацан должен ходить в красных шелковых костюмах, — говорит первый.

— Нет, — настаивает второй, — настоящие пацаны носят красные бархатные пиджаки!

Какая скука, думаю я и засыпаю вторично, прильнув щекой к шахматному столу Ло. Таким способом оказываюсь дома. Звонок. Беру трубку. Твой голос: "Привет!". Ору чужим басом не то от радости, не то от страха.

— Надеюсь, хоть ты не поверила в мою смерть?!

— Нет, конечно, — отвечаю, — тебя в закрытом гробу хоронили, а я все думала — нет тебя там, не может быть! (Ты не слушаешь и с каким-то ребенком возишься. "Смотри, какая штуковина! — говоришь ему, — ПШШШ!") Это что за ребенок, твой?

— Нет, не мой, я подрабатываю няней.

— А где ты?

— Уехала.

— А как же мама? Она знает, что ты жива?

— Маме я уже позвонила. Ты всем нашим скажи — со мной все нормально, а то они черте что устроили! Обязательно передай: у меня все хорошо! Ну, пока, больше нет времени.

Я проснулась за шахматным столом Ло. Заскучала, снова проснулась. И оказалась дома, на сей раз в реальности. Что такое реальность? Где она? Которая из них?

Сдружившись с тобой, я невольно вписалась в многоликий социум дворовых детей. Одной из них была Ло. Лолита — уникам и шахматный гений. В четырнадцать лет она сыграла вничью с Карповым. Она по-прежнему живет этажом ниже меня. Помнишь, ты рассказывала, как ее папа

Томаз украл маму Изольду из солнечного Тбилиси и увез в Одессу? Ло назвали в честь певицы Лолиты Торес, а свою сестру Ирку она назвала в честь тебя.

Ло приходит ко мне по тысячу раз на день и называет меня большой славянской энциклопедией. "Я грузинка, — говорит Ло, — и не знаю русский так хорошо, как ты". Понятие "русский" у нее бесконечно широкое — от трактовок Святого Писания до способов приготовления плова.

Ло любит логически мыслить и раскладывать жизнь по черным и белым клеткам. Любит выигрывать, шататься по барам и пить таблетки "Петрович" для профилактики алкоголизма. Любимые книги Ло — "Бандитский Петербург" и "Уголовный кодекс". Любимые игрушки — мобильный телефон и газовый пистолет. "Когда я вырасту и стану самостоятельной в сорок лет, — мечтает Ло, — куплю дом, заведу телохранителя, четырех бультерьеров и стану мафиозным авторитетом. А на паркете мозаикой выложу Иисуса Христа".

Она читает эстетику бандитизма и время от времени мечтает работать в прокуратуре. У нее особая логика, недоступная остальным.

Недавно Ло мне открыла тайну. Помнишь, сосед с шестого этажа, Илюха, был беспощадно в тебя влюблен? Каждое утро ты находила букет под дверью, и мы часами гадали: кто же этот загадочный цветодар? Им выяснился Илья. Он излил свои чувства на бумагу и поручил Лоле передать для тебя письмо. Конверт в местах склейки был испещрен мудреными закорючками. Но какие преграды могут противостоять Лолиному любопытству? Я помню, как ты вертела в руках конверт и вслух поражалась: "Ни за что не поверю, будто Лола отдала письмо неп прочитанным! Но как ей удалось так мастерски конверт склеить? Даже Илюхины закорючки не пострадали! Фантастика!".

Разгадку Лола доверила мне только сейчас, лет десять спустя. Прочитав любовную околесицу, она страшно разочаровалась. (Неужели надеялась случайно встретить там теплые фразы о самой себе?) Чтобы ее не уличили в содеянном, Лолита купила новый конверт и старательно скопировала закорючки. Просто, как все гениальное.

Второе письмо Илья написал на латыни. Его никто не смог прочитать. Даже ты.

Мозг — это болезнь. Продукт первородного греха, неправильно развившийся орган, препятствующий человеческому совершенству. Мозг умирает вместе с телом. А что остается? Остается тогда что?

Помню, у тебя была тетя — экстрасенс. Она напроорочила, что ты скоро уедешь — далеко-далеко... Ты не знала еще, что в Америку. Мы как-то гадали, кажется по Платону. Что-то высчитывали. Получились графики судьбы. Твоей и моей. И ты трактовала, глядя в книжку: "У меня жизнь будет короткая, но очень яркая. В молодом возрасте я достигну пика и на пике умру. А у тебя длинная. Пик будет лет в тридцать, а потом спад, через время снова подъем, но уже не такой сильный. Наверное, ты станешь писателем, и тебя не будут признавать". Твой график уже сбылся.

Осень. Осень. Осень. Основа химического состава — вода. Акварель по мокрому грунту. Горизонты выполнены прогнутыми, частично ломаными штрихами. Стволы, покоробленные непогодой, жмутся к земле. Небо — тревожный ультрамарин — стекает на кроны и мажет индийскую желтую плесневело-зеленым. Все ползет, перетекает, блестит. Мир оптически искажен каплей, проносящейся мимо глаза. Туман — цвета кислого молока с бульоном.

Редкие облака — в жирном лиловом соусе. Земля протушена с кленовой, дубовой, березовой, липовой, облепиховой, каштановой и рябиновой клетчаткой до пастообразной массы. Люди слегка заморожены, с брезентом и аспирином. Чай с желатином.

Сырая горечь с кислинкой. Сладкий, навязчивый аромат дыма, иссушающий ноздри. Несвежесть подгнивших фруктов, тяжелый дух мокрой шерсти и раздавленных экскрементов. Выразительность плачущей древесины и приторность недосушенного гербария с формалином.

Шум вод. Льющихся, капающих, расплескивающихся, штормящих. Шорох, шелест, хлопанье, всхлипывание, кашель, хрип.

Скольжение, бесформенность, вязкость. Мокрое и холодное. Такое же чувство, когда пальцы вонзаются в переспевшую выхоложенную хурму.

Ты приехала на каникулы. Я брала у тебя интервью для газеты, в которой тогда работала.

— В чем основные различия между русскими и американскими студентами, и какие трудности с этим связаны?

— У иностранных студентов, естественно, возникают трудности с языком. Их преодоление зависит от сферы, из которой ты вышел. Очень помогает знание других языков — французского, латыни. Многие корни в различных языках мира повторяются и многие слова интернациональ-

ны. Я всегда "выезжала" за счет богатого словарного запаса русского языка. А главная, банальная на первый взгляд, трудность — это акцент. Я совершенно не предполагала, что знание английских слов, умение складывать их в предложения, не является гарантией понимания. Тебя не понимают из-за акцента. Даже жесты не совпадают. Например, во Франции распростертая над головой ладонь означает, что ты выходишь из себя. А популярнейший у нас щелчок пальцем по шее, означающий "Давай выпьем", в Америке не понимает никто. А вообще в Миссурийском университете русские встречаются очень редко. Десять человек на двадцать пять тысяч, попавших в Америку по программам обмена.

Мой муж, Джейсон, говорит, что в украинских городах учеба в университете — естественное продолжение учебы в школе. Наши студенты чаще всего остаются в родном городе и часто продолжают жить с родителями. В Штатах, если ты поступаешь в университет, — 99 % гарантии, что ты переедешь в другой город. А это совершенно новый виток жизни — обретается самостоятельность. В Америке многие поступают в вуз, чтобы жить другой жизнью.

— Что в Америке знают об Украине?

— Украинцев воспринимают там положительно. Про нас всегда говорят, что мы гостеприимный народ. Американцы не менее гостеприимны. Они очень любопытные, всегда задают кучу вопросов, проявляют огромный интерес.

Джейсон говорит, что 50% американцев не знают, где находится Украина, что Одесса — город у Черного моря. Многие знают об Украине благодаря сборной по футболу, участвовавшей в Олимпийских играх.

— Существует ли вещь, которая не перестает удивлять тебя в американцах?

— Наверное, это их излишняя разговорчивость. Допустим, подходит ко мне в супермаркете девушка с таким вопросом: "Ты давно замужем? Я купила спагетти, болгарский перец, кабачки, чеснок. Сегодня мы съехались с моим парнем, и у нас будет первый совместный ужин. Как ты думаешь, что лучше приготовить? Я увидела у тебя на руке обручалку. Вы, вообще, вместе готовите? Кто из вас моет посуду?".

Еще поражает некоторая отстраненность от собеседника. По расстоянию, которое они выдерживают друг от друга, можно точно определить меру близости их отношений. Если это просто знакомые — они выдерживают дистанцию в метр — полтора. Русские при встрече обнимаются или жмут руку, французы целуют в щеку. Если здороваются американцы — они,

в крайнем случае, могут похлопать друг друга по спине. Они даже обнимаются на расстоянии, естественно, совершенно не задумываясь об этом.

— У нас существует стереотип, навязанный в основном кинематографом, что американцы — народ с примитивным мышлением...

— Мне трудно судить, потому что я четыре года живу там в атмосфере университета, нахожусь в привилегированной части общества, общаюсь с образованными людьми. Студенчество — самый плодотворный слой человечества, преисполненный жаждой жизни и новыми идеями.

— Расскажи о своей специальности и работе, которой сейчас занимаешься.

— Я учусь в аспирантуре на факультете истории искусств. Мое последнее исследование было посвящено американской художнице Иве Хессе. Она скульптор, но скульптурой в обычном понимании этого слова ее творчество назвать сложно. Они напоминают *bay morfig* — живых существ. Чтобы начать исследование, я отправилась в Чикаго, где находятся ее произведения. Собирала теоретическую информацию, изучала биографию, уделяла много внимания отношению к ней на протяжении жизни и после смерти. Жизнь этой художницы превратили в легенду. У нее очень трагичная биография. Родилась Ива Хессе в Германии, в период геноцида. Ее еврейская семья эмигрировала в Соединенные Штаты. Вначале ее с сестрой посадили на поезд, и они месяц катались по Европе, стараясь спрятаться. В конце концов, она доехала до Америки, где встретилась со своей семьей.

Через некоторое время родители Ивы развелись, и мать покончила жизнь самоубийством. Для нее это было большой трагедией. В личной жизни у нее тоже не ладилось, и в искусстве она нашла настоящую отдушину. Ее судьба сходна с судьбой Фриды Кала. Творчество развивалось параллельно с болезнями, трагедиями и разочарованиями. Но она работала совсем в другой сфере, нежели Фрида Кала и была, по моему мнению, даже более яркой.

Ива Хессе считается одной из ведущих американских художниц-нехудожниц. Ее произведения выполнены из пластика, каких-то переплетенных веревочек, льдинок, сосуллек, напоминают сети, запутанные, как ее жизнь. Это нетрадиционное визуальное искусство.

— Насколько в Америке возможна реализация творческого потенциала, идей, мечтаний?

— На сто процентов. У меня есть долгосрочная цель — и я твердо знаю, что в ближайшие пять лет я вряд ли смогу ее реализовать, но в бли-

жайшие десять — без всяких сомнений. Я хочу открыть свою галерею и знаю, что могу это сделать, двигаясь шаг за шагом. Сейчас я коплю знания — работаю в музеях, веду экскурсии, знакоюсь с людьми, преподаю в университете.

Art History считается одной из наименее престижных специальностей, обладая которой сложнее всего найти работу. Но на сегодняшний день у меня никаких проблем и страхов по этому поводу не возникает.

— А какие профессии наиболее востребованы в Америке?

— Торговля, управление торговлей, менеджмент. Если речь идет о людях без высшего образования — это фаст-фуд. В этой сети работу можно найти любой в любое время, даже без знания языка. Среди людей с высшим образованием одна из популярнейших профессий — учитель и преподаватель. Здесь может быть единственная сложность — если ты магистр, тебя не примут на работу для бакалавров, потому что по закону магистрам обязаны платить больше, даже за тот же самый объем работы.

— Можешь привести живой пример отличия американских преподавателей от наших?

— В американской школе я не училась, а в университете преподаватель совершенно по-другому относится к студенту, нежели в наших вузах. Они с тобой на дружеской ноге и чувствуют себя гораздо свободней. Один мой преподаватель приволок на лекцию металлическую трубу, и как только студенты начинали засыпать, он оглушительно ударял в нее, как в гонг, и говорил: "Извините, если я кого-нибудь разбудил!".

А в самой системе образования больше возможностей. Мы постоянно отправляемся в экспедиции по различным городам и штатам. Университет оплачивает проезд и гостиницу. Сложно изучать архитектуру по слайдам и живопись по репродукциям. Например, в Париже я увидела известную мне ранее картину Кобе, которая оказалась высотой в целый этаж. Как можно понять, что такое небоскребы, пока не увидишь их собственными глазами? Ты стоишь, как маленький муравей под огромной махиной, крыши которой не видно — она тонет в облаках.

— Как русское искусство представлено в учебной программе?

— Крайне мало представлено. В обзорных лекциях упоминаются, например, московский собор Василия Блаженного, в авангардном искусстве — Татлин, Кандинский, Марк Шагал, Любовь Попова, Кабаков. Репина и Сурикова никто не знает.

— Не наблюдаешь ли ты ощутимых перемен менталитета, мировоззрения?

— Параджанов говорил, что не знает, к какой культуре принадлежит —

грузинской, армянской, украинской. Так же и я. Часть меня здесь, часть меня там, и ни одной стране я полностью не принадлежу. Вы меня не воспринимаете как полностью свою, и они меня своей не воспринимают. Я делаю из этого положительные выводы. На полстакана воды можно посмотреть как на стакан, наполовину пустой и наполовину полный. За эти годы я стала более раскованной, более уверенной в себе, но может быть, причина в возрасте, в том, что я занимаюсь любимым делом, и у меня есть любимый человек.

— Тебе знакома ностальгия?

— Иногда наступают моменты, когда не хватает, допустим, песен Юрия Шевчука. Но с другой стороны — ддтэшная Россия — это не моя Россия. Это Питер, белые ночи, которые я не видела собственными глазами, — это Россия глазами Шевчука. Какая-то часть меня осталась в Одессе. Это подпитывает. Здесь сформировалось мировоззрение. Я везде себя чувствую как рыба в воде — наверное, это черта характера. У меня нет привязанности к одному месту — я космополит.

Лето 2001

Каждый откуда-то родился и умрет куда-то. Где-то работает, или не работает. Любит, или не любит. Думает, спит, хочет, знает, видит, обременяет своим чувствованием мир. Каждый что-нибудь упорно и беспросветно ищет. Каждый сам по себе мил и добр. Но образовывая собой человечество как биологический вид, как космическую единицу — мы самое жуткое из всех чудовищ, самое кровожадное из всех хищников, самое безответственное из всех тварей. Мы забыли, что все умрем.

Сейчас я слышу, как Ло ругается с мамой. У них, грузинов, голоса громкие, и темперамент. Ло кричит: Ты сука! Я тебе все деньги отдам, у меня скоро соревнования, а ты их, блядь, тратишь! А Иркин голос беспомощно попискивает: Не бейся, Лолита, пожалуйста, не бейся!

Я была у твоей мамы. С ней тяжело — она постоянно плачет. Больно. "На! — говорит. — Посмотри, это Джейсон у нее в ящике нашел. Начала читать — вроде твой почерк. Не могу, плачу, посмотри сама".

Это были мои письма. Все, с тех пор, как ты жила там, в другом мире. Перевязаны красной лентой, в которой даже остались едва ощутимые молекулы твоего запаха. Они вернулись ко мне. Как подарок.

"...Я дико за тобой скучаю. Ведь в каждом уголке моей квартиры, в каждом метре нашего подъезда, двора, улицы, во всяких местах города хранятся живые искорки тебя. Даже в моей одежде (новую покупают редко). Даже в моей коже, плечах, честное слово!

У меня странное ощущение реальности, будто смерть, или война, там... В России выборы Президента..."

"...Я боюсь одной вещи — ты там растешь, очень меняешься, а я живу себе просто и стою на месте. Мне пока нравится просто так жить. Знаю, что когда-нибудь, надоест..."

"...Твой ненаглядный Рибовол бросил институт и теперь работает в крутой фирме. Спрашивал много про тебя. Лолита наплела ему, что ты купила подержанный "линкольн" и давно вышла замуж. Он поверил..."

"...Ввели гривны. 1 гривна = 100 тысяч купонов. 1 доллар = 2 гривнам. Гвоздецкая говорит: очень жаль, что Ира уехала, потому что ты пошла на самотек, и никто тебя не воспитывает!..."

"...Продолжаю высылать тебе образцы новых денег. Глядишь — соберется целая коллекция. Приедешь домой — купишь себе пачку сигарет, или мне — если ты уже бросила..."

"...Меня очень развеселил момент в твоём письме, где повествуется о том, что когда ты отбиваешься от американских женихов — показываешь мою фотографию и говоришь: this is my boyfriend back home..."

"...Я с трудом понимаю, как можно "горчать" на какой-то фирме, выпускающей одежду. В твоих штатах абсолютно другие реалии и ты начинаешь в них вживаться. А реклама молока, которую ты мне зачем-то выслала, — просто символ американского дебилизма..."

"...Спасибо, что вы с Джейсоном назвали его машину моим именем, только зачем?..."

Я шла по улице и думала, где ты сейчас? В каком таком мире? Накануне 8 Марта приснился сон.

Я лежу и слышу — кто-то пришел. Входит Юра.

— Привет, Ленка, с 8 Марта тебя!

— Спасибо, Юрочка!

— Подожди, я сейчас...

Возвращается с невидимой ношей. Бережно кладет нечто на кровать и уходит. Я чувствую — это ты. Обнимаемся — и я постепенно начинаю тебя видеть, проникая в другое измерение. Мы находимся в доме, напоминающем студенческое общежитие. Многокомнатно, многолюдно, все — молодые. Ты говоришь — "Ленка, жалко, что у тебя усы". Я обижаюсь. Снуют люди. Жлоб какой-то ко мне обращается и грубит. Ты говоришь — "Отстань от нее!" Он — "А что она здесь делает? Тут ей не место!".

"Я научу тебя, как вести себя Здесь. Тут нельзя ничего бояться. Не будешь бояться, ничего плохого не произойдет. И вообще, ничего здесь не принимай близко к сердцу и ни на кого не обращай внимания", — говоришь ты.

Подходит кто-то еще. Я чувствую — друг. Снуют другие. Пугают меня ради забавы. Стараюсь не обращать внимания.

Ты сказала: "Посиди, я сейчас..." — и ушла.

Друг проводит меня в комнату, где полно молодежи. Все веселятся и поют под гитару. Я тоже начинаю петь, выдумывая текст на ходу. Получается пародия — все смеются и аплодируют. Только одна — худая такая, кареглазая — злится. И злобно так на меня смотрит. Я понимаю — она твой враг и даже как-то связана с твоей гибелью. Остальные — мировые ребята.

Проснулась.

Ильичевск. Дача. Чердак. Керосинка. Мы.

"Ленка, сейчас ты изо всех сил пытаешься соответствовать имиджу "bad girl", но тебе это не очень идет! В конце концов, ты умрешь под забором. Ты же ничего из себя не представляешь!" Помнишь, как я обиделась?

Ты заснула, а я решила отправиться в Одессу пешком. Собрала вещи, а в какую сторону идти — не знаю. Посплю, думаю, в сарае. Ты утром встанешь — а меня нет! Перепугаешься, понервничаешь. Пол в сарае оказался цементным, и мебели никакой не было. Промучилась я полночи — замерзла невыносимо. "Фиг с ним", — думаю. И — на чердак. Нырнула под одеяло — постель теплая, твоим теплом нагретая, а ты сопишь, ни о чем не дозревая.

На следующий день я заболела, и ты лечила меня горячим молоком с медом.

Личность — сущность слоеная. С годами слои слипаются, вживаются друг в друга, срastaются. Попробуй выискать причиноследствия одной неуловимой черточки! Сквозь всю мою личность просвечиваешься ты. Когда я узнала тебя — жизнь изменилась, мир изменился, личность распухла от наслоений. Ты научила меня:

Любить живопись,
Брить ноги,
Дарить подарки,
Рисовать,
Загорать без лифчика,
Куриль,
Перешивать старые вещи,
Слушать радио,
Целоваться,
Стричь челку,
Говорить вместо [г] — [г], а вместо [мыска] — [миска],
Краситься,
Писать резюме,
Гулять по городу,
Дрессировать собак,
Пить вино,
Поступать в университет,
Пробовать в жизни все,
Презирать серость,
Выращивать пеллею,
Воровать мелочи,
Как будет по-французски "Меня зовут Лена",
Ходить по музеям,
Тереться мочалкой,
Шить собачьи подстилки,
Любить терпкие духи,
Готовить кабачки со сметаной,
Пить чай,
Мазаться кремом,
Обвивать цветочные горшки бельевой веревкой,
Сбегать по ночам из дому,
Плести бусы,
Гадать,

Носить серьги,
Украшать жилище,
Ходить на море зимой,
Не пить таблетки,
Делать открытки,
Ненавидеть халаты,
Принимать гостей,
Кататься на льду в ботинках,
Есть акацию,
Разводить рыбок,
Ходить в церковь,
Любить крыши, балконы и чердаки,
Кормить кроликов...
Ведь ты меня воспитала. Всего на два года старше и на два года умнее.

